

В день, когда Цзян Фэй покидал Малый мир, проводить его пришли лишь Су Миньчжи да монах Уду. В их появлении читалось отношение всех жителей этого сокрытого уголка.

Су Миньчжи стоял, привычно опираясь на копьё:

— Цзян-сюн, мне до тебя далеко.

Цзян Фэй был самым слабым из всех жителей Малого мира, и за его пределами его подстерегала смертельная опасность. И всё же он решился сделать этот шаг — попытаться изменить законы ныне существующего мира.

— Уверен, брат Су и сам уже всё решил, — отозвался Цзян Фэй.

На лице Су Миньчжи больше не было стыда. Беспечное прозябание в безопасном месте заманчиво, но багровый азарт смертельного риска манил куда сильнее.

Он качнул головой, а затем отрицательно покрутил ею:

— Прости, но в этот раз я не могу отправиться с тобой. У нас с братом Гу был уговор на три года. Срок истекает через три месяца. Мы условились: если он не вернется за это время, тогда я выйду наружу.

Су Миньчжи принял решение давно. Вот только с каждым годом, пока человек, которого он ждал, так и не возвращался, его решимость подтачивал страх.

Маленький монах Уду ничком поклонился Цзян Фэю:

— Слова благодетеля Цзяна открыли Уду глаза. Мне тоже пора в путь. Учитель твердил: «Если не я спущусь в ад, то кто?» Стыдно признаться, но ради спасения собственной шкуры я напрочь забыл его наставления.

Цзян Фэй спросил о его планах. Маленький монах лишь кротно улыбнулся:

— Уду отправляется на поиски истины.

Бессмертные когда-то были такими же людьми, из плоти и крови. Почему же стремление к вечной жизни превратило их из защитников смертных в людоедов, пирующих человечиною?

— Путь Уду отличается от пути благодетеля Цзяна, так что нам не по дороге.

За прошедшие века Уду был далеко не первым, кто задался этим вопросом, но загадка так и

осталась неразгаданной. Ступив на эту тропу, юный монах обрекал себя на почти верную гибель.

— Благодетель Цзян, путь далек, а воды глубоки. До новых встреч, — с улыбкой взмахнул рукой Уду.

— До новых встреч.

Цзян Фэй ответил и тут же нахмурился, вскинув голову. Встревоженное предчувствие, возникшее одновременно с этими словами, отозвалось в груди липкой тоской.

— Благодетель? — Монах любопытно склонил голову набок.

Цзян Фэй протянул руку и снова погладил его по блестящему бритому черепу.

—? — замер Уду.

Убрав руку, Цзян Фэй попрощался легким кивком и вскочил в седло.

Линьхуа под ним взмыл прямо в воздух, покидая пределы Малого мира.

— Парень, сообразил, куда направляемся первым делом? — спросил конь.

— Домой, — кратко отрезал Цзян Фэй.

Задуманное им шло вразрез с порядками этого мира. А значит, прежде чем начинать войну, следовало обезопасить близких.

Люди этой эпохи не отличались особой подозрительностью, да и бессмертные не кидались в погоню в ту же секунду, стоит кому-то покинуть Малый мир. Цзян Фэй без происшествий добрался до родного дома, не привлекая чужого внимания.

После его исчезновения в Иллюзорном Царстве Бессмертной Судьбы Владыка Горы лишь посокрушался, что парень не сдал эволюционный экзамен и сгинул в мороке. Он не стал вымещать злобу на родных Цзян Фэя и даже не отправил им никаких вестей.

Ничего не ведавшие отец и мать выбежали навстречу сыну, рыдая от захлестнувших чувств.

Не прошло и года, а их старший сын вернулся, словно сошедший со старинных свитков небожитель — верхом на чудесном коне, а следом за ним, излучая дух бессмертия, шествовали овца и крыса.

Один человек познал Дао — и скот его вознесся на небеса.

Отец с матерью не могли нарадоваться. Перебивая друг друга, они допытывались, надолго ли он у них.

— Брат!

За год отсутствия трехлетний братишка выучился говорить без запнушки. Задрал голову, карапуз вцепился в ногу Цзян Фэя. В его детском разуме брат, ставший бессмертным, был самым великим человеком на свете.

У ног малыша крутился красноглазый кролик размером не больше ладони.

Младший брат унаследовал любовь Цзян Фэя к зверью. Госпожа Цзян отыскала для него ласкового кролика, и за целый год тот так и не вырос.

— Фыр! — Ушу запрыгнул на плечо Цзян Фэя и, обхватив его шею, гордо задрал мордочку.

Паньцзяо тут же подал голос, басом прорычав:

— Мой брат!

Ревность вспыхнула без лишних прелюдий.

Ушу и Паньцзяо выросли в доме Цзянов, но теперь они не просто умели летать — они заговорили! Отец с матерью онемели от изумления.

— Велики и чудны силы бессмертных, — пробормотал отец, глядя бородку.

Его глаза влажно заблестели. Век бессмертных долог, а человеческий век короток. Он думал лишь о том, что за остаток жизни им едва ли удастся увидеться еще хоть пару раз.

Старик даже не подозревал, что Цзян Фэй пришел предложить им путь, ничего общего с бессмертными не имеющий.

То, что собирался совершить Цзян Фэй, требовало от семьи полного отречения от прежней жизни. Глубоко вдохнув, он опустился перед родителями на колени, но те сразу же подхватили

его под руки, не дав ударить челом.

Вкратце описав опасности прошедшего года, Цзян Фэй выдохнул:

— Я должен укрыть вас в безопасном месте. И только потом займусь остальным. Уходим немедленно. Ничего с собой не берите.

Добираясь сюда, Цзян Фэй опасался, что родители не поймут его с полуслова. В крайнем случае он был готов увести их силой, а объяснения оставить на потом.

Но он не удрал от безграничной родительской любви и слепого доверия.

Стоило ему озвучить просьбу, как родители, не задавая лишних вопросов и не пытаясь спорить, согласились бросить всё нажитое добро. Если Цзян Фэй так говорит — значит, так надо. Сын зла им не пожелает.

Отец с матерью подхватили младшего на руки, малыш прижал к груди кролика и первыми взобрались на коня. Казалось бы, на этом беды должны были миновать.

От сердца Цзян Фэя отлегло. Он окликнул Паньцзяо, и баран подошел ближе, подставляя спину.

— Молодой господин, — вдруг раздался за спиной испуганный возглас.

Цзян Фэй обернулся. Позади стояла Лю Мэй — служанка, верой и правдой служившая ему долгое время.

— Лю Мэй, ты свободна, — произнес Цзян Фэй.

Он мог бы забрать и ее, но не стал этого делать.

Слишком опасной была его дальнейшая судьба, да и плоть его теперь манила монстров своим ароматом. Забирать семью приходилось рискуя всем — иначе, узнай Владыка Горы его секрет, городок Линьси остался бы цел, а вот род Цзян вырезали бы подчистую.

У Лю Мэй такого риска не было.

Девчушка получила свободу. В этом огромном загоне для скота у женщины, способной давать потомство, пусть и без искры бессмертия, был шанс спокойно дожить до старости.

— Молодой господин... — снова позвала Лю Мэй, но ее голос дрогнул и сорвался.

Облик служанки начал расплываться, теряя четкость.

— Лю Мэй, ты...

— Простите меня, молодой господин, — пролепетала она. — Мой брат... десять лет назад он ушел на Пэнлай, чтобы стать бессмертным.

Позже он возвращался. И Лю Мэй своими глазами увидела, во что превращаются бессмертные.

До того дня ей казалось, будто мир кругом мирен и ясен, а самая большая беда — шторм в море, из-за которого рыбаки иногда не возвращаются к берегу.

Но в день возвращения брата ее небо рухнуло. Не хочешь быть съеденным — ешь других сам.

Ароматический кошель на поясе Лю Мэй испускал слабый свет. Она была ищейкой, приставленной бессмертными к поселению смертных. Стоило кошелью засиять, как она обязана была идти на этот свет.

Тонкий струйчатый дымок, вьющийся из кошелья, помогал бессмертным задерживать тех смертных, при виде которых у них текли слюнки.

Лю Мэй и помыслить не могла, что указанный кошельем человек — ее молодой господин.

Она хотела, чтобы он стал бессмертным. Ведь бессмертные стоят на вершине пищевой цепи. Лю Мэй желала ему пожирать людей, а не стать чьей-то добычей.

— Молодой господин, простите меня! — Девушка закрыла лицо руками, слезы брызнули сквозь пальцы. — Я не знала... Не знала, что это вы!

Цзян Фэй мешком рухнул на землю. Лю Мэй дернулась было к нему, но, вспомнив про свою вину, отшатнулась в ужасе.

— Линьхуа... — Разум Цзян Фэя затягивало пеленой. — Уводи людей...

Но у коня подкосились копыта.

Отец с матерью вывалились из седла. Линьхуа в панике попытался подхватить старика Цзяна за воротник, но сил не хватило даже на то, чтобы приподнять человека.

Он уговаривал Цзян Фэя спасти этот мир, а в итоге они проиграли на первом же шагу, не выдержав схватки с этой людоедской эпохой.

Тьма окончательно поглотила людей и зверей.

Когда сознание вернулось, Цзян Фэй почувствовал странную тяжесть в нижней части тела. Боли не было — только пугающая пустота, будто он лишился чего-то важного.

Чувство напоминало морок в Иллюзорном Царстве. Память снова подвела его: он не мог вспомнить, что произошло после того, как он потерял сознание.

Зрение возвращалось медленно. Цзян Фэй попытался шевельнуться, но вместо ног обнаружил под собой мощный змеиный хвост. Кончик хвоста был отрублен, а к свежему срезу кто-то грубо пришил полупрозрачный, развевающийся плавник какой-то пестрой рыбы.

Хвост послушно вильнул влево-вправо. Цзян Фэй попытался подняться, но тут же грохнулся ничком.

Новое тело было ему чужим.

Перед ним снова возник Владыка Горы.

«Я же говорил, что ты будешь самым вкусным!»

Владыка Горы скалился в гнусной ухмылке. В его зубах застряли волокна сгнившего, переваренного мяса.

Он был без ума от счастья: Цзян Фэй смог сбежать после эволюции! Не случись этого, ему бы не удалось насладиться этим божественным вкусом в одиночку.

И именно благодаря побегу Цзян Фэя у него теперь появился неиссякаемый источник деликатесного мяса.

— Держи своих зверушек. Раз уж я вернул их, не вздумай больше искать смерти.

Ушу, Паньцзяо и Линьхуа были брошены в угол. Они оставались живы лишь потому, что Владыка Горы предпочитал человечину.

Память молчала, в голове не было ни одной зацепки, но глаза Цзян Фэя в эту секунду налились кровью.

Владыка Горы захохотал:

«До чего же вы, людишки, удобные! Отрезал кусок, пришил деталь от другого гада — глядишь, через время опять выйдет мясо с уникальным эволюционным вкусом!»

Он облизал губы, уставившись на лежащее перед ним «возобновляемое лакомство»:

«Ха-ха-ха! Содержа тебя, мне больше не придется выискивать красавчиков для этого проклятого Иллюзорного Царства!»

«Совсем зажралось это Царство за последние годы! Вкус у него, видите ли, избирательный становится... Попробуй найди того, кто подойдет под его стандарты!»

Владыка Горы с упоением жаловался на жизнь, выбалтывая, как нелегко ему дается каждый кусок.

Обычным бессмертным для жизни хватало простых смертных. Но сущностям вроде него требовались люди, отмеченные особым расположением Неба и Земли.

Из-за этого они не смели пожирать людей без разбора. Приходилось возиться с ними, разводить их в тепле и сытости, из года в год надеясь на появление породистого «экземпляра».

Владыка Горы обожал переделки. С давних пор его тешило сшивание частей разных тварей в уродливых чудовищ.

В этот раз добыча превзошла все ожидания. Владыка Горы начал с самого вкусного, хотя от Цзян Фэя, слабая эволюция которого едва началась, он не ждал особого изыска.

Из-за сытости он оттапал у парня только ноги. Но едва мясо коснулось языка, как Владыка замер от невиданного прежде вкуса! Чтобы сохранить ценную тушку, он на скорую руку пришил парню змеиный хвост.

Позже выяснилось, что кончик змеиного хвоста ничуть не уступает по вкусу остальному телу. С тех пор Владыка отрезал по кусочку, пришивая взамен первое, что подворачивалось под руку.

Его удивляло, как добыча до сих пор не отдала концы, но пока мясо поступало исправно, вдаваться в подробности он не желал.

Позже человек стал угрожать собственной жизнью, вытребовав свободу для нескольких зверушек. После долгих торгов Владыка вернул их хозяину.

Паньцзяо, дрожа всем телом, поплелся к Цзян Фэю. В его глазах отражался изуродованный облик хозяина.

Он всё еще оставался человеком, но на человека похож уже не был.

Ощущение отчуждения накрыло Цзян Фэя с головой. Он смотрел на овцу и понимал: существо в ее глазах совсем на него не похоже. Но кто это?

Оно казалось знакомым. В груди всё сжалось от ноющей, глухой боли — куда более страшной, чем боль от потерянных ног.

Со спины барана скатился крохотный пушистый ком. Оставшийся без хозяйки кролик с налитыми кровью глазами подскочил к Цзян Фэю и впился зубами в его палец.

Да. Не вернись Цзян Фэй домой, всё равно закончилось бы плохо — но не настолько быстро.

Острые зубки прокусили кожу. Из пальца вытекла тонкая струйка крови.

Владыка Горы подошел ближе, сглатывая слюну:

— Не разбазаривай добро!

Опираясь на змеиный хвост, Цзян Фэй медленно выпрямился.

Владыка Горы изумился:

— А ты крепкий! Смог встать? Я еще тогда заметил, что пришитые куски у тебя как-то странно прирастают.

Цзян Фэй был не просто вкусным деликатесом — он стал лучшим произведением Владыки. Тот перепробовал сотни видов плоти, но лишь в теле этого человека не началось ни отторжения, ни заражения.

— Я отрезал пришитые куски и жрал их, но мне кажется... будто ты и сам часть их плоти успел переварить?

Научный азарт Владыки Горы был неистребим.

Цзян Фэй стоял неподвижно, замороженно разглядывая свои пальцы. Длинные, изящные, с четырьмя фалангами и острыми, как бритва, когтями.

Владыка Горы сгреб руку Цзян Фэя в кулак, намереваясь слизать кровь вместе с пальцами.

Из его пасти капала зловонная, вязкая слизь.

Он разинул пасть, не ожидая подвоха, но в ту же секунду когти Цзян Фэя блеснули холодным стальным блеском.

«А? Опять эволюция?»

Владыка Горы не испугался. Он знал, насколько вкусен этот человек, но знал и то, что тот остается бессильной пешкой.

Владыка даже не попытался защититься. Вспышка — хлынула кровь, и отрубленная голова Владыки Горы рухнула на землю. Линьхуа и кролик с яростным визгом бросились на нее, втаптывая в кровавую грязь.

Пройдя через адские муки и предательство, Цзян Фэй наконец сломал проклятие обычного смертного.

Время вокруг замерло. Лишь овца стояла неподвижно, смотря на него странным, полным боли взглядом.

Внезапно морда барана начала гнить. Из изъеденных язвами глазниц потекли кровавые слезы, каплями падая на пропитанную грязью и кровью землю.

В ушах Цзян Фэя прозвучал неживой, отстраненный голос, похожий на закадровый текст:

[Ты наконец дошел до поворотного пункта судьбы. Теперь скажи мне, каков твой дальнейший путь.]

Он ступил в этот мир, чтобы спасти его. Но мир, который он спасал, предал его.

Пространство вокруг рушилось, и баран сбросил личину, являя свой истинный облик.

Он выглядел как аномалия.

Но в душе Цзян Фэя не было страха. Лишь разрывающая сердце боль.

Плоть Паньцзяо отваливалась кусками, оставляя мерзкие, гнойные следы. Цзян Фэй мазнул окровавленными пальцами по воздуху и тихо позвал:

— Паньцзяо... Иди сюда. Дай я тебя обниму.

Ноги овцы переломились в нескольких местах, из них вылезли уродливые костяные шипы. Кое-как ковыляя, существо подобралось к Цзян Фэю и уткнулось искромсанной мордой в его шею, оставляя на коже липкие следы.

[Брат.]

[Брат, не плачь.]

[Брату не больно.]

<http://bllate.org/book/19820/1992632>